

Введение

Сирийский аскетизм и монашеская традиция представляют собой необычное явление, бывшее весьма важным и значимым не только для самих сирийцев, но и оказавшим заметное влияние на другие культуры Востока. Это утверждение настолько важно, что мы рассмотрим его более подробно.

Прежде всего отметим, что влияние раннего сирийского аскетизма на развитие христианства в землях Евфрата и Тигра было динамичным и глубоким. С самого начала истории христианства в этой области роль аскетизма была первостепенной, что привело к появлению такой формы христианства, которая была явно отличной от всего, что существовало на Западе. В более поздний период истории, когда влияние эллинизма постепенно продвигалось на Восток, ситуация, конечно, не могла остаться прежней. Однако даже после того как аскетическое движение потеряло своё доминирующее положение в структуре сирийских церковных общин, оно находило для себя новые формы влияния и таким образом оставалось конституирующим элементом сирийского христианства.

Монашество, представляющее собой более позднюю форму сирийского аскетизма, составляет отдельный феномен, достойный интереса и внимания историков. Для этого есть несколько причин. По-видимому, монашество появилось на сирийской почве самостоятельно, причём произошло это раньше, чем возникновение монашества в Египте. При этом оригинальность и особый характер сирийского монашества заслуживают внимания в не меньшей степени. Тот же пылкий дух, который ранее обращался к дохристианским божествам, теперь

формировал аскетические идеалы. По сравнению с коптским и греческим монашеством в Египте и с греческим монашеством в Палестине и Малой Азии сирийское монашество представляет собой удивительно независимый феномен, порождённый собственным духом и отмеченный яркими, ни на что не похожими чертами.

Всякий исследователь, интересующийся историей христианства на Востоке, понимает важность сирийского монашества, которое оказало огромное влияние на развитие духовности в религиозной, общественной и культурной жизни сирийского Востока.

Устремления и достижения аскетов во все эпохи влияли на общество. Тайна их привлекательности для мира состояла в их строгой и суровой жизни. Поэтому сирийское монашество, обычаи которого были подчас причудливыми и эксцентричными, сильнейшим образом влекло к себе сирийцев. Благодаря этому руководство религиозной и нравственной жизнью народа перешло в руки монахов. Они обладали столь высоким авторитетом, что светские византийские власти предпочли не вступать с ними в конфликт, а присоединиться к множеству их почитателей. Кроме того, благодаря своему огромному авторитету монахи получили доступ к церковным делам, где они постепенно стали играть ключевую роль. Если же взглянуть на вклад сирийского монашества в миссионерскую деятельность, приведшую к обращению в христианство множества полуязыческих и языческих общин, находившихся в сфере влияния сирийской культуры, равно как и миссионерство за пределами Сирии, Месопотамии и Персии, то можно себе представить масштаб и значимость вклада сирийского монашества в религиозную жизнь сирийцев.

Сирийское монашество играло также заметную роль в социальном служении. Может показаться парадоксальным, что монашество, принимавшее столь непривычные и причудливые формы, ощущало нужду в социальном служении и принимало в нём деятельное участие. Бурная политическая жизнь на Востоке вела к обнищанию множества людей, и при этом определённые монашеские группы исполняли роль подразделения спасателей. В океане человеческой нужды и страданий хижины монахов, их кельи и монастыри становились теми островками, где страдальцы могли найти понимание, заботу и помощь. Нередко монахи пользовались своим авторитетом для защиты угнетённых и неправых перед сильными мира сего.

Особого рассмотрения заслуживает культурный вклад сирийского монашества, являющийся одним из лучших его достижений. Участие монахов в духовной и интеллектуальной жизни общества было многогранным. Особенно важной была их работа по производству книг и созданию литературных произведений, а также педагогическая деятельность в организуемых ими школах. Кроме того, многие монастыри становились центрами учёности, ремёсел и искусства. Нет ни одного направления, принадлежащего к области духовной культуры, которое не подверглось бы влиянию сирийского монашества, — это влияние сказалось даже на судьбе сирийского текста Нового Завета. Всё это показывает значительность вклада монашества в культуру сирийцев.

Но и этим не исчерпывается значение сирийского монашества. Оказывается, что оно имело большое значение для истории христианства в целом и, с другой стороны, играло заметную роль в других культурах и областях

Востока, не ограничиваясь лишь сирийской орбитой. Сирийское монашество стало важной духовной силой, внесшей свой вклад в историю цивилизации не только у себя на родине, но также в других областях Ближнего Востока, Центральной и Восточной Азии и даже Африки, причём далеко не только среди носителей семитских языков. Всего перечисленного уже достаточно для возбуждения интереса к феномену сирийского монашества. Его удивительная активность и духовная сила определили масштабность и размах его влияний.

Чтобы представить себе общую перспективу, мы начнём с той деятельности, которую сирийские монахи вели в Армении. Сразу же после того как Тарон стал важным центром сирийского миссионерства, начался процесс распространения христианства, что привело к установлению в Армении того же догматического учения и религиозной практики, что и у её духовной матери — сирийской Церкви. Влияние сирийской духовности обнаруживает себя в деятельности сирийских миссионеров и сирийских школ, в богослужении, христианской терминологии и христианском искусстве, в архитектуре и в истории текста Нового Завета. Даже в армянском языке от этой эпохи сохранилось немало терминов, имеющих сирийское происхождение. Всё это было следствием деятельности сирийских монахов, которые вступили в состязание с греками за души армян. Более того, из Сирии в Армению приходили не только простые монахи, но и те, кто в молодой растущей Церкви занимал самые высокие административные посты. Даже немногие сохранившиеся в армянских источниках свидетельства (а они подверглись, по-видимому, серьёзному редактированию грекофилами) ясно указывают на то, что христианство в

Армении в течении длительного времени развивалось во многом благодаря сирийским монахам.

Активная деятельность сирийского монашества в Армении не помешала ему распространиться и в Грузию. Это вполне объяснимо, в первую очередь, потому, что до середины IV века область Картли (располагающаяся на востоке Грузии) принадлежала Армении. Обнаруженные недавно эпиграфические надписи указывают на то, что официальным языком в этой области был тогда не грузинский, а один из арамейских диалектов. Это могло быть одним из привлекательных факторов для сирийского монашества, что привело к распространению её влияния и на эту область. Деятельность сирийских монахов в этой суровой гористой области между Чёрным и Каспийским морями, которая в древности была известна как Иберия, была запечатлена во множестве грузинских агиографических источников. В них представлен тот тип духовности, который сирийские монахи принесли сюда из Месопотамии. Имеющиеся в этих текстах легендарные детали не мешают нам разглядеть сирийские черты, присутствовавшие даже в этом уголке Востока.

Ещё одна местность, подвергавшаяся постоянному влиянию сирийских монахов, располагалась к югу от Сирии — там жили в шатрах или в постоянных поселениях говорившие на арабском дальние родичи сирийцев. Христианская миссия среди арабов существовала ещё до разделения между монофизитами и дифизитами. Но и это разделение не означало окончания миссии — напротив, обе партии состязались в своих миссионерских трудах, стараясь завладеть душами арабов. Племена, жившие в своих палатках вдоль границ между Месопотамией и Персией, совершенно подпали под их влияние. В области, границей

которой была римская провинция Аравия и которая включала в себя территорию к северу от Персидского залива, сирийское монашество пользовалось значительным авторитетом. Его представители достаточно рано достигли даже обширного региона между Красным морем и Персидским заливом, однако здесь его достижения были скромными.

Для оценки степени влияния сирийского монашества среди арабов следует учитывать и обратный процесс, который имел место после исламского завоевания Сирии, Месопотамии и Персии и включал в себя арабизацию этих областей. Стремительный подъём исламской культуры невозможно понять без учёта достижений сирийской культуры в предыдущую эпоху — достижений, в которых важнейшую роль играло сирийское монашество.

Влияние сирийского монашества распространялось и на Абиссинию, где оно также привело к оживлению религиозной жизни. Христианская вера была принесена сюда ранее, однако, судя по имеющимся данным, она находилась в бездействии, так что дело Фрументия не получило продолжения. В эфиопской традиции принято считать, что оживление христианской веры произошло под влиянием сирийского монашества. Во 2-й половине или, возможно, даже в конце V века в Эфиопию прибыла группа сирийских монахов. В эфиопских источниках о них говорится как о создателях новой духовной идентичности страны. Они ввели христианские правила жизни, реформировали традиционные обычаи и поддерживали религиозные, монашеские и церковные институты. Они также дали эфиопской Церкви её богослужение и способствовали переводу на эфиопский языка Библии. Изучение этого текста позволяет увидеть, что он зависит от

сирийской библейской традиции. Таким образом, влияние сирийского монашества на формирование христианской идентичности во владениях негуса распространялось на все стороны духовной жизни.

Эта картина, демонстрирующая удивительный размах влияния сирийского монашества, до настоящего момента не была удовлетворительно описана. Оно распространялось даже за пределы восточной границы сирийского Востока. Мы рассмотрим важнейшие из этих областей.

Несомненно, что сирийское монашество достигло народов, населявших Среднюю Азию, однако в источниках имеется, к сожалению, слишком мало подробностей.

Влияние сирийского монашества достигало даже индийского христианства, которое имело тесные связи с сирийской Церковью в Персии и многое заимствовало у неё. Путь из Персии в Индию был усеян монастырями, которые способствовали поддержанию этих связей и обогащали духовную жизнь обеих сторон.

Наконец, ещё одно свидетельство удивительной динамичности сирийского монашества — его проникновение в Китай. Христианство было принесено в VII веке — за много столетий до появления францисканцев. Китайские документы и археологические памятники, в первую очередь, так называемая Несторианская стела, свидетельствуют о неутомимости сирийских монахов и о той отваге, которая была ими проявлена в соперничестве с буддийскими монастырями. В течение какого-то времени монашеское движение даже вызывало сочувствие у властей. Когда же это многообещающее начало сменилось более жёстким отношением, выразившимся, в первую очередь, в декларации императора У-цзуна в 845 году, которая

воспрещала деятельность чужеземных монахов, сирийские монахи-миссионеры нашли для себя новое поле деятельности в Средней Азии.

Представляется довольно странным, что важнейшая область исследования, которой посвящён наш труд, оставалась до настоящего времени *terra incognita* в востоковедении, — в нашем издании феномен сирийского аскетизма рассматривается впервые. Время от времени, однако, раздавались голоса, говорившие о необходимости исследовать этот феномен в рамках востоковедения, исторической науки, истории христианского Востока и истории культуры. Самым заметным был голос профессора И. Б. Шабо, который был очень авторитетным специалистом в сирологии. В 1900 году он очередной раз повторил свой призыв, выразив при этом надежду, что недалеко то время, когда будут изданы все необходимые источники для проведения этой работы. Это, по его мнению, позволит написать исследование об истоках и развитии монашества на сирийском Востоке. Учёный его масштаба полностью осознавал необходимость такого издания.

Последующие события, однако, показали, что его надежды были слишком оптимистичными. Были предприняты некоторые шаги в этом направлении, однако это было совсем не то, что имел в виду профессор Шабо. В 1910–1911 годах иеромонах Анатолий опубликовал книгу о сирийском монашестве в Трудах Киевской духовной академии; его труд, однако, имел недостаточную источниковую базу, так как он использовал только греческие источники — Феодорита, Созомена и другие; не было предпринято никакой попытки учесть восточные

источники. Опубликованный в 1937 году труд Ш. Шивица основывается в целом на тех же источниках, однако добавляет к ним изданные и переведённые к тому времени сирийские памятники — сочинения Ефрема Сирина, Юлиана Сабы и Авраама Кидунайи. Исследование Дж. ван дер Плуга представляет собой общее введение в обсуждаемые вопросы; в нём обсуждается несторианская монашеская традиция, в первую очередь, в свете сочинения Фомы Маргского.

Итак, прошло 58 лет с момента написания вышеупомянутых слов профессора Шабо, а дело, можно считать, не сдвинулось ещё с мёртвой точки. В 1942 году ван дер Плуг был вынужден заявить, что ещё не пришло время для написания истории сирийского монашества.

Нет нужды говорить, что ситуация сложилась таким образом совсем не из-за пренебрежения исследователей, — очевидно, что причины были другими. Этих причин, объясняющих настоящее положение дел, было несколько.

В первую очередь, конечно же, стоит сказать о состоянии источников. Источники, необходимые для изучения истории сирийского аскетизма и монашества, не изданы и содержатся в манускриптах, рассеянных по рукописным собраниям Европы и Востока. Такая ситуация делает особенно медленным и сложным труд исследователя, который должен быть первопроходцем и при этом систематически прорабатывать источники. Такой подход в особенности требует терпения.

С этим связана ещё одна трудность. Поскольку столь значительный объём материалов остаётся неизданным и потому требует для своего изучения много сил и времени, это весьма затрудняет критическое рассмотрение и оценку источников, необходимую для использования их в

историческом исследовании. Однако, эта критическая работа всё равно необходима, без неё невозможно никакое осмысление материала, а для того чтобы хотя бы приступить к ней, требуется затратить огромное количество усилий. Можно потратить на чтение и критическую оценку этих источников всю жизнь, не оставив при этом времени на создание обобщающих исследований.

Далее, труднодоступность этих источников и необходимость их литературно-критической оценки подразумевает необходимость погрузиться и в смежные научные области, без которых невозможно приступить к изучению феномена аскетизма. Обычно при необходимости ответить на тот или иной вопрос учёный имеет доступ ко всей необходимой информации, однако при изучении сирийского Востока дело обстоит совершенно иначе. Именно поэтому мало кто предпринимал исследования по истории этого ареала — церковной, светской, экономической и культурной. У нас нет ни истории сирийской Церкви, ни истории сирийской культуры — духовной и светской.

Вот основные причины, сделавшие поставленную задачу столь необъятной и приведшие к тому, что наука о возникновении, развитии и истории сирийского аскетизма и монашества находится в столь плачевном состоянии.

На предыдущих страницах мы рассказали о состоянии источников, теперь же мы немного скажем об источниках, использованных при написании истории сирийского аскетизма и монашества, и о том, каким именно образом они были использованы.

Разумеется, сирийские источники имеют исключительную ценность. В них отражено появление,

жизнь и деятельность сирийского монашества — так, как видели люди, жившие в той же местности и говорившие на том же языке. Сирийское литературное наследие представляет собой огромный и очень интересный материал; часть его опубликована, однако большинство источников доступно лишь в рукописях. Некоторые виды таких источников заслуживают отдельного обсуждения.

В первую очередь, следует упомянуть правила и установления, полученные монахами или монастырями от настоятелей, епископов или Соборов. Подобный материал в силу своей объективности и непредвзятости заслуживает самого серьёзного рассмотрения в историческом исследовании. Особая важность таких документов определила необходимость их систематического поиска в рукописях. В результате были обнаружены новые тексты, а также новые рукописи текстов, уже известных ранее. Каждый из них содержит важнейшую информацию для нашего исследования.

Источники, изучение которых ведёт нас к пониманию самой сути монашества и его истории, принадлежат к различным жанрам. Многие из них рассказывают о подвигах тех, кто преуспел в аскетической жизни. Создавая жития известных подвижников, сирийские авторы следовали популярным литературным образцам. Авторство некоторых текстов известно, другие создавались разными людьми на протяжении многих веков и циркулировали вместе с другими преданиями древности. Важным источником для возникновения литературных произведений стало обязательное для монашеских общин ежегодное празднование памяти великих предшественников. Для прославления памяти своих предводителей и учителей сирийцы использовали форму

жития, похвалы или, реже, поэтической *мемры*. Многие памятники дошли до нас не в исходном виде, а лишь в составе произведений тех авторов, которые их использовали. На протяжении веков эти тексты накапливались в монастырских библиотеках, что, в свою очередь, подвигало других авторов к написанию произведений, рассказывающих о развитии монашеской жизни в каком-то конкретном монастыре или местности. Было немало подражателей труда Феодорита Кирского, особенно среди восточных сирийцев.

Агиографические тексты бывали весьма разными. Река агиографии была очень мощной, она имела множество различных притоков; воды этой реки, проходя через какую-нибудь среду, говоря исторически, обесцвечивались. Многие тексты, принадлежащие агиографическому жанру, создавались без какой-либо проверки подлинности используемых исторических данных, поэтому в отношении них всегда необходимо проявлять осторожность и осмотрительность. Вместе с тем, из этих источников можно добыть иногда важные данные — историк может, таким образом, передвигаться не только по магистралям, но и по небольшим улочкам.

Далее, бесценные сведения содержатся в литературном наследии самих монахов. Большая часть сирийской литературы создана внутри монашеского движения — сюда входят экзегетические и герменевтические труды, гомилии, трактаты, письма, гимны, молитвы, поэтические произведения и так далее. Все эти памятники дают прекрасную возможность понять ту духовную атмосферу, в котором жили монахи. Особенно ценными для нашего исследования будут те произведения, в

которых говорится об аскетических идеалах и их практическом применении.

Обращение к этому материалу сопряжено и с рядом трудностей, разрешение которых требует критического подхода. Прежде чем использовать многие из этих текстов, необходимо освободить их от тех добавлений, которые могли быть включены в них в течение многих веков, — это позволит увидеть их в первоизданном виде. Лишь такой подход к работе с источниками позволяет строить на твёрдом основании; в настоящем исследовании всё это было сделано. Некоторые предварительные работы, включавшие в себя литературно-критическую оценку сочинений Афрата и Ефрема, были опубликованы нами отдельно. В отношении других источников в настоящем исследовании будет использован тот же подход.

Наконец, для выполнения поставленной задачи необходимо учитывать все сирийские источники, постепенно собирая в них любые важные для нас данные. И, как показало исследование, все они оказываются полезны, одни в большей степени, другие — в меньшей, снабжая нас всё новыми сведениями относительно истории сирийского аскетизма и монашества. Речь идёт о летописях, гомилиях, богословских трактатах, комментариях, рассказах, письмах, официальных документах, отчётах, догматических формулах, богослужебных книгах, поэтических произведениях и о многом другом. Помимо данных, содержащихся в сирийских источниках, следует учитывать, что сирийское монашество оказало глубокое влияние на греческую, латинскую, армянскую, эфиопскую, арабскую и персидскую литературы, — в них также могут содержаться важные для нас данные.

Помимо литературных источников, немало ценной информации можно почерпнуть в эпитафических памятниках, христианском искусстве и археологических находках. Всё это также было включено в наше исследование.

В целом, мы не пренебрегли ни одним доступным источником сведений о нашем предмете — будь то изданные или неизданные литературные памятники, данные искусства или археологии. Всё это необходимо для того, чтобы наш корабль мог выйти из мелкой заводи в открытое море исследования и направиться к новым горизонтам знания.

Наш труд состоит из пяти томов. Каждый из них рассматривает некую часть общей темы, границы которой можно более или менее чётко очертить важнейшими историческими событиями, имевшими место внутри определённых регионов.

Настоящий том имеет дело в основном с предпосылками и основаниями рассматриваемого феномена: его предысторией, ранним аскетизмом и зарождением монашества; в нём рассматривается развитие монашества в правление Сасанидов вплоть до времени догматических споров конца V века.

Во втором томе исследуется история развития и распространения монашества в Византии; рассмотрение оканчивается концом V века, как и в первом томе.

Третий том посвящён монашеству среди монофизитов; рассматривается время его зарождения, судьба во время исламского завоевания и существование под властью Омейядов и Аббасидов. Охватываемый в нём

временной период заканчивается X веком — временем заката Арабской империи.

Четвёртый том прослеживает историю монашества среди несториан; подход и временные рамки при этом те же, что и в предыдущем томе.

Пятый том посвящён наследию сирийского монашества, при этом рассматриваются как монофизитская, так и дифизитская его ветви. В нём прослеживается судьба монашества со времени заката Исламской империи, попытки возрождения монашества и катастрофа сирийского христианства во время монгольского вторжения Тамерлана.

Мы начали издание этого труда в надежде, что его завершение не растянется на слишком долгий период времени.

Помимо индекса имён и топонимов в каждом томе, в пятый том будет включён общий предметный указатель для всего издания.